

Ю. Н. Сытник

г. Евпатория

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ДУБЛИНСКОГО ТЕКСТА В СБОРНИКЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ Д. ДЖОЙСА „ДУБЛИНЦЫ”

The text of the town that is presented in the collection of short stories set as a complicated, symbolic system is carefully analyzed in the article. During the research we have faced with the hidden meanings of the „Dubliners”. Dublin is characterized in the Joyce’s work as an individual character that has a strong influence on the citizens of the town.

В статье рассматривается дублинский городской текст, который возникает перед нами как сложная символическая система, позволяющая выявить в цикле рассказов скрытые смыслы, которые, в свою очередь, образуют единый мифологизированный подтекст всего сборника рассказов.

Результатом мифологизации дублинского текста является тот факт, что город выступает в нашем сознании, как особый образ, обрастающий со временем определёнными ассоциациями и обретающий символическую углублённость.

У статті розглядається дублінський текст міста, який постає як складна символічна система, що має чітку структуру та логіку побудови. Аналіз тексту дозволяє виявити у циклі оповідань приховані змісти, які об’єднують оповідання збірки на підставі єдиного мифологізованого підтексту.

Результатом мифологізації є той факт, що місто постає у свідомості, як надзвичайний образ, який згодом набуває певних ознак та змістів.

Городской текст – это то, что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли, чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки.

В. Н. Топоров [8]

Начало XX столетия ознаменовалось значительно возросшим интересом к мифу, что позволило исследователям открыть новую страницу в его интерпретации. Р. Барт в своей книге „Миф сегодня” пишет о появлении нового типа мифов – „мифа массового сознания”, и о его значении [2]. Французский литературовед рассматривает современный миф в несколько ином ракурсе, отличном от понимания классического, архаического мифа. По его словам, в новом мифе важен не столько предмет сообщения, сколько способ его

оформления, форма, которая состоит из знаков языка, в результате чего смысл становится формой.

Миф привлекает внимание писателей уже не как исходный сюжетный материал, а как специфическая художественная система, имеющая свои законы и логику построения. Мифологизированный текст начинают интерпретировать как особое смешение изобразительно-выразительных средств, идейные и структурно-композиционные функции которого весьма различны.

Ю. Маринина в работе „Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX века: от Ш. Бодлера – к символистам” пишет о том, что мифологизации в культуре XX века поддается практически любое явление жизни, и даже такое повседневное – как город. Значимость города в жизни человека на рубеже XIX – XX веков возрастает. В литературоведческих текстах он всё чаще выступает, как многомерный и многозначный символ, что со временем, приводит к созданию городского мифа. Это, в свою очередь, вызывает к жизни целый комплекс мифологии города, в центре которой лежит идея обречённости урбанистического топоса.

В 1973 г. В. Топоров вводит в научный оборот и теоретически обосновывает понятие „городского текста”. Однако В. Топоров был не первым, кто начал заниматься этой проблемой. Первоначально попытки изучения городского текста были предприняты в начале 20-х гг. XX в. Н. Анциферовым. Его книги и брошюры, представлявшие собой своеобразные экскурсии-очерки Петербурга, положили начало изучению города, как живого организма. Н. Анциферов попытался постичь „душу” города и его воздействие на судьбы людей, исследуя город в культурном контексте.

Ю. Лотман и В. Топоров ставят проблему исследования городского текста как явления словесной культуры и называют город „механизмом, постоянно заново рождающим своё прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно” [8]. Городской текст в их интерпретации выступает как образ, обрастающий ассоциациями в процессе варьирования и обретающий символическую углублённость.

Обобщая результаты, полученные исследователями в процессе изучения текста города и его мифа, можно сказать, что мифологизированный текст города создаётся с помощью:

- 1) включения в произведение, наряду с типичными персонажами, персонажей мифологизированных;
- 2) соединения реальных и мифологических элементов в облике города;
- 3) использования определённых деталей и приёмов, в частности, таких, как художественная деталь, метафора, метонимия, аллюзия, индивидуальный символ писателя и др.

На сегодняшний день существует достаточно большое количество трудов, посвящённых исследованию крымского, петербургского, московского, пражского, лондонского, парижского текстов в работах таких исследователей, как Н. Анциферов, А. Люсьи, Ю. Маринина, Л. Прохорова, А. Рубан, В. Топоров и др., но практически нет ни одного исследования, посвящённого дублинскому тексту.

Несмотря на то, что Дублин занимает особое место в британской культуре, его образ долгое время не привлекал к себе должного внимания со стороны литературоведов, и к настоящему времени понятие дублинского городского текста нуждается в осмыслении и структурировании.

В этой связи цель данной статьи заключается в рассмотрении вопроса о смысле, средствах и результатах мифологизации дублинского текста в сборнике коротких рассказов Д. Джойса „Дублинцы”.

Обращение к творчеству Д. Джойса и его сборнику коротких рассказов „Дублинцы” не случайно. С. Хоружий в своей работе „Улисс” в русском зеркале” точно подметил, что „Д. Джойс – индивидуалист, урбанист и космополит, сознающий ирландские истоки своего творчества и ценящий их, однако трезво отказывающийся возводить их во вселенский идеал и устраивать из национальной истории и народного быта своей страны идиллию и утопию” [9].

Д. Джойс, как никто другой из писателей, которые когда-либо упоминали о Дублине, смог здраво оценить и отразить в своих произведениях жизнь современного ему города. Темы, занявшие центральное место в западной прозе XX столетия – взаимонепонимание, немота, отчуждённость людей друг от друга и от мира, одиночество, мучительные поиски своего „Я”, оказались в центре внимания Д. Джойса в его сборнике коротких рассказов „Дублинцы”.

Несмотря на то, что „Дублинцы” (1905–1914) – это первое зрелое произведение писателя, значение этого сборника выходит далеко за рамки творчества Д. Джойса. Сборник символизирует собой новый этап в развитии европейской новеллистики, поскольку неожиданно „врывается” в европейскую литературу и с невиданной доселе художественной силой заявляет о себе.

Е. Гениева, посвятившая всю свою жизнь изучению творчества Д. Джойса, пишет о том, что „проза „Дублинцев” – проза урбанистическая. Дублин – настоящий герой рассказов” [5]. Он предстаёт перед нами как некий мифологический образ, в котором странное переплетается с повседневным, реальное – с фантастическим, величественное – с низким, красивое – с безобразным. Его самостоятельная жизнь лишь подчёркивает ощущение заброшенности персонажей Д. Джойса. Лирические субъекты рассказов сборника представлены как горожане, столичные жители, на восприятие мира которых город накладывает свой отпечаток и является исключительно значимым в жизни обычного человека, обывателя. Это неизбежно приводит к мифологизации как самого города, так и его текста, который выступает в данном случае в качестве некоего знака-носителя определённого смысла.

Исследуя текст Дублина, нельзя не согласиться и с А. Гильдиной, которая утверждает, что текст „Дублинцев” предстаёт как сложная символическая система, позволяющая выявить в нём скрытые смыслы, проявляющиеся через композицию и стиль и образующие единый мифологический подтекст всего сборника рассказов.

Мифологизированный текст Дублина создаётся Д. Джойсом с помощью определённых средств, деталей и приёмов, которые позволяют проследить отражение в тексте как реального урбанистического пейзажа, так и ирреального образа города; помогают объяснить присутствие в произведении, наряду с

типичными горожанами, мифологизированных персонажей и понять, какова же взаимосвязь реальных и мифологических элементов в облике столицы.

Реальная урбанистическая картина создаётся с помощью введения в текст таких реальных городских объектов, как:

1) названия улиц (Грейт-Бритен Стрит, Норд Стрэнд-Роуд, Норт Ричмонд-Стрит, Наас-Роуд, Дэйм-Стрит, Дорсет-Стрит, Бэггот-Стрит, Эрл-Стрит, Нассау-Стрит, Килдар-Стрит, Мэррион-Стрит, Хьюм-Стрит, Грэфтон-Стрит и др.);

2) парки (Стивенз-Грин, парк в центре Дублина);

3) здания разной функциональной специализации (лавка с выцветшей вывеской „Галантерея”, церковь Св. Екатерины на Мит-Стрит, „Пиджен-Хауз” – в прошлом форт на берегу Дублинского залива, во времена Д. Джойса – электростанция, химический завод на Норт Стрэнд-Роуд, Дублинский торговый порт, школа Христианских братьев, „Аравия” – название благотворительного базара, ежегодно проводившегося в помощь городским больницам, Тринити-колледж – Дублинский университет, „Пим” – большой бакалейный магазин Дублина, „Шелбурн” – богатый отель для туристов, бар Игана, „Корлесс”, – дорогой ресторан и т. д.);

4) районы Дублина (Айриш-таун, бедный район в пригороде Дублина, Южное кольцо – богатый район Дублина);

5) станции (Уэстленд-Роу, Кингз-Бридж) и т. п.

Живое описание урбанистического пейзажа, которое впоследствии на контрасте позволяет ещё острее прочувствовать сознательное введение автором мифологических, ирреальных образов, поражает точностью и мастерством изображения. Дублин предстаёт перед нами как некое пространство, наделённое функциональной внутренней структурой и внутренними же законами: „Норт-Ричмонд Стрит оканчивалась тупиком, и это была тихая улица, если не считать того часа, когда в школе Христианских братьев кончались уроки. В конце тупика <...> стоял на четырёхугольной лужайке пустой двухэтажный дом. Другие дома на этой улице, гордые своими чинными обитателями, смотрели друг на друга невозмутимыми бурными фасадами” [5, 43]; „игра приводила нас на грязные задворки <...> к задним калиткам тёмных, сырых огородов, где вонь поднималась от мусорных вёдер; к грязным, вонючим стойлам, где кучер чистил и скрёб лошадей или мелодично позванивал украшенной пряжками сбруей” [5, 44]; „он вышел из-под средневековой арки палаты в Кингз-Иннз <...> и быстро зашагал по Хенриетта-Стрит <...> Улица была полна грязными детьми. Они стояли или бегали на мостовой, ползали по ступенькам перед распахнутыми дверьми, сидели на порогах, притаившись как мыши. Крошка Чендлер не замечал их. Он прокладывал себе путь сквозь эту суетящуюся жизнь под сенью сухопарых призрачных дворцов, где в старину пировала дублинская знать” [5, 82]; „тёплый сумрак августовского вечера спустился на город, и мягкий тёплый вечер, прощальный привет лета, кружил по улицам. Улицы, с закрытыми по воскресному ставням, кишели празднично разодетой толпой” [5, 62].

Элементы ирреального, которые Д. Джойс постепенно вводит в текст „Дублинцев”, контрастируют с образами реального урбанистического пейзажа, что является одним из приёмов мифологизации городского текста Дублина. Так,

в первом рассказе „Сёстры” упоминается чаша, которая якобы послужила предзнаменованием смерти священника, отца Флинна: „Это всё чаша, что он тогда разбил <...> с этого всё и началось, конечно, говорили, что это не беда, что в ней ничего не было. Но всё равно...” [5, 33]. Элемент недосказанности оставляет в читательском восприятии текста ощущение чего-то мистического, нереального, что повлекло за собой и, возможно, ускорило, смерть старика.

В рассказе „Аравия” мы встречаем упоминание о диких туземцах: „мы попадали под обстрел <...> диких туземцев” [5, 44], что само по себе вызывает вопрос о том, откуда в городе, и особенно в островном городе, находящемся вдали от материка, туземцы, да ещё и дикие?

Чуть дальше, в этом же рассказе, читаем: „Прямо передо мной <...> светилось магическое имя „Аравия” – название благотворительного базара” [5, 48]. Главный герой рассказа, мальчик-подросток, уносится в своих мечтах в далёкие восточные страны, с которыми у него ассоциируется название базара. Попав, наконец, в это место, он разочаровывается, но не сразу. Изначально кувшины, стоящие вдоль стен темнеющего входа в киоск, кажутся ему „восточными стражами”, но холодность и безразличие продавщицы быстро возвращает его в реальный мир.

В рассказе „Два рыцаря” само название наталкивает на мысль о чём-то сказочном, мифическом. При упоминании слова „рыцари” в сознании возникает целый ассоциативный ряд: „рыцари круглого стола”, „рыцари короля Артура”, „рыцари, как символ храбрости и благородства, готовые в любой момент прийти на помощь даме сердца”. Однако содержание рассказа чревато разочарованием, так как главные герои оказываются более чем далёкими от предполагавшегося идеала. Приходит понимание того, что Д. Джойс прибегает в данном случае к иронии.

В этом же рассказе встречается ещё один мифологический элемент, который контрастирует с реальным описанием урбанистических пейзажей. Д. Джойс очень поэтично описывает, казалось бы, такие банальные атрибуты городской жизни, как фонари, которые „словно светящиеся жемчужины, мерцали <...> над подвижной тканью внизу, которая, непрерывно изменяя свою форму и окраску, оглашала <...> сумрак <...> гулом” [5, 62].

В рассказе „Пансион” Д. Джойс предлагает своим героям „вылететь сквозь крышу и лететь в другую страну”, что тоже достаточно символично, ведь Д. Джойс сам когда-то „вылетел” из Дублина и поселился в другой стране.

В рассказе „Облачко” „багрянец осеннего заката осыпает золотой пылью неопрятных няnek и стариков” [5, 81]. Здесь очевидна параллель с образом ирландских фей, которые осыпали невежественных смертных своей волшебной золотой пылью с целью их преображения и просветления. Далее Д. Джойс сравнивает богатых, роскошных дам с мифической греческой принцессой Аталантой, славившейся своей красотой и быстротой ног: „...сходя с подножки, они подбирали юбки, словно испуганные Аталанты” [5, 82].

Текст рассказа „Земля” не менее мифологичен. Писатель предлагает своеобразный экскурс в историю своей страны, рассказывая о языческих обрядах и праздниках, сохранившихся в христианской Ирландии. Действие рассказа

происходит в Канун Дня Всех Святых, на Хэллоуин. Мария, главная героиня, участвует в традиционном в этот день для ирландцев обряде гадания. Гадающие с завязанными глазами дотрагиваются к одному из разложенных на столе предметов и тем самым предсказывают своё будущее: молитвенник, символизирует монашескую участь, кольцо выступает символом скорой свадьбы, вода – символом долгой жизни, а земля – символом скорой смерти. Марии, как это легко догадаться из названия рассказа, было уготовано выбрать землю, что явилось страшным предзнаменованием приближающейся смерти.

Помимо откровенно мифических образов, описанных выше, мифологизации текста Дублина способствует намеренное введение автором в урбанистический пейзаж таких природных образов, как река Лиффи, с расположенным на её берегах Дублином, река Доддер, Ирландское море, туман, сумрак и просто описание природы, оживляющее серый, мрачный пейзаж города: „все ветки высоких деревьев по берегам канала оделись весёлыми светло-зелёными листочками, и солнечный свет, косо пробиваясь сквозь них, падал на воду” [5, 36]; „мы оба порядком подустали и, когда вышли в поле, сейчас же направились к пологому откосу, за гребнем которого виднелась река Доддер” [5, 38]; „зимой, когда дни были короче, сумерки спускались прежде, чем мы успевали пообедать. Когда мы выходили на улицу, дома были уже тёмные. Кусок неба над нами был всё сгущавшегося фиолетового цвета, и фонари на улице поднимали к нему своё тусклое пламя” [5, 44]; „вечер был тёмный и дождливый, во всём доме не раздавалось ни звука. Через разбитое стекло мне было слышно, как дождь падает на землю, бесчисленными водяными иглами прыгая по мокрым грядкам” [5, 45].

Исследуя городской текст цикла коротких рассказов „Дублинцы”, нельзя не упомянуть и о мифопоэтике текстов Д. Джойса в связи с введением автором в неприхотливый сюжет своих произведений образов, преисполненных глубокого поэтологического смысла. Так, писатель в качестве художественных приёмов, способствующих мифологизации дублинского текста, эффективно использует аллюзии, метафоры, метонимия, индивидуальные символы и художественные детали.

Одной из наиболее ярких аллюзий в тексте становится наличие в рассказе „Аравия” фразы – „несу свою чашу сквозь скопище врагов” [5, 45]. Д. Джойс, вероятно, имеет в виду общеизвестный факт о „чаше жизни”, как о символе духовных идеалов и надежд. Это безусловная аллюзия к библейскому тексту, исходящая из уст Иисуса Христа, который, обращаясь к Богу Отцу, вопрошал: „Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо меня?” (Луки 22:39-46).

В рассказе „Несчастный случай” Д. Джойс упоминает место Чепелизод, в котором по преданию Тристан встретился с Изольдой. И это не случайно, поскольку в рассказе повествуется о несостоявшейся любви между одиноким мужчиной и замужней дамой – об истории любви, которая заканчивается трагической смертью бедной женщины.

Один из главных героев рассказа „После гонок” отправляет своего сына сначала учиться в Англию, в большой католический колледж, и только потом

разрешает ему вернуться в Дублин для того, чтобы изучать право в университете Тринити. Аллюзийный смысл этого эпизода заключается, видимо, в том, что речь в нём идёт о событиях 1592 года, когда королева Елизавета I основала Колледж Тринити („Trinity” – в переводе с английского языка означает „Святая Троица”) как Протестантский Университет для ирландского дворянства. Однако богатые кланы Дублина отвергли возможность обучать там своих детей и вместо этого посылали их в католические университеты на континенте.

Интересно упоминание в тексте цикла „Дублинцы” и известной народной британской мудрости „All work and no play make Jack a dull boy” („Без утех и развлечения нет успеха и в учении”), а также двух высказываний: „золотое сердце” и „паршивая овца”, которые со временем приобрели статус народной мудрости.

В рассказе „После гонок” речь идёт об авторалли, в котором победителями становятся французы, радуясь „торжеству галльской культуры”. В данном случае, Д. Джойс, вероятно, имеет в виду то, что в 1066 году в битве при Гастингсе (событие в истории Британии не менее значимое, чем введение христианства) Вильгельм Завоеватель одержал победу и тем самым способствовал воцарению нормандской, то есть французской, династии на территории Британии.

Не менее интересно использование ирландским писателем индивидуальных символов. В первом рассказе „Сёстры” перед нами выступают два главных героя – умерший священник, отец Флинн, и его маленький друг, ребёнок, глубоко переживающий смерть своего учителя. Образ святого отца, в некотором смысле, напоминает нам образ самого Дублина: и отец Флинн, и Дублин, по словам самого Д. Джойса, были поражены страшной болезнью – параличом: „Моим намерением – писал Джойс, – было написать главу из духовной истории моей страны, и я выбрал местом действия Дублин, поскольку <...> именно этот город является центром паралича” [5, 12].

Как пишет Е. Гениева в предисловии к советскому изданию „Дублинцев” 1982 года, „паралич для Джойса – это символ ненавистных ему пороков современной ирландской жизни: косности, низкопоклонства, коррупции, культурной отсталости, бездуховности” [5, 12]. Пытаясь прояснить скрытый смысл текста рассказа „Сёстры” можно сделать вывод о том, что паралич – это не только болезнь, сразившая отца Флинна, но и духовное состояние мира, в который входит ребёнок. В образе маленького мальчика не трудно угадать самого Д. Джойса, который, войдя в этот мир, то есть родившись в Дублине, будучи не в силах мириться с пороками современного ему города, вынужден был покинуть его. По словам ирландского писателя, Дублин был тем „порочным и злым существом, которое вызывало во мне ужас, но в то же время я стремился приблизиться к нему и посмотреть вблизи на его смертоносную работу” [5, 25].

Интересно интерпретирует образ отца Флинна и упомянутая выше Е. Гениева. Она видит в священнике символ ирландской церкви и связывает с ним ещё один – чашу для причастия, которая, в свою очередь, обозначает духовную полноту жизни, которую Д. Джойс как раз и не видит в ирландской церкви.

Метафоры, которые встречаются на протяжении всего цикла рассказов „Дублинцы”, в не меньшей степени способствуют мифологизации текста города. Особенно красноречивыми являются следующие метафоры: „...моё тело было точно арфа, а её слова – точно пальцы, пробегающие по струнам” [5, 45]; „город обволакивала серая паутина сумерек”; „его голова была словно большой шар, вращающийся на стержне” [5, 62]; „...товарный поезд, выползавший со станции Кингз-Бридж, был словно червяк с огненной головой, ползущий сквозь тьму упорно и медленно...” [5, 124]; „дети, как мыши”, „закат догорал”, „ветки оделись”, „солнце спряталось” и др.

Таким образом, проанализировав дублинский текст в сборнике коротких рассказов Д. Джойса „Дублинцы” можно сделать следующие выводы: дублинский городской текст предстаёт перед нами как сложная символическая система, содержащая скрытые смыслы, которые, в свою очередь, образуют единый мифологизированный подтекст всего сборника рассказов. Дублин в цикле рассказов возникает как некий мифологический образ, в котором необычное переплетается с повседневным, реальное – с фантастическим, величественное – с низким, красивое – с безобразным. Результатом мифологизации дублинского текста является тот факт, что город предстаёт как особый образ, обрастающий со временем определёнными ассоциациями и обретающий символическую углублённость.

Библиографические ссылки

1. Андреев Л. Г. Зарубежная литература XX века : [учеб. для вузов] / Андреев Л. Г. , Карельский А. В. , Павлова Н. С. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Высш. шк., 2004. – 559 с.
2. Барт Р. Миф сегодня [Электронный ресурс] / Р. Барт / Режим доступа : <http://lib.socio.msu.ru>.
3. Воеводина Л. Н. Мифотворчество в XX столетии [Электронный ресурс] / Л. Н. Воеводина // Факт – 2001. – №9. – Режим доступа : <http://www.fact.ru/www/arhiv9s4.htm>.
4. Гильдина А. Н. Новеллистика Джеймса Джойса: контекст, текст, интертекстуальность : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Гильдина Анна Михайловна. – Челябинск, 2003. – 188 с.
5. Джойс Д. Дублинцы / Д. Джойс ; [пер. с англ., сост., предисл. и коммент. Е. Гениевой]. – М. : Известия, 1982. – 256 с.
6. Маринина Ю. А. Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX века : от Бодлера – к символистам : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Маринина Юлия Анатольевна. – Нижний Новгород, 2007. – 207 с.
7. Незнамова С. П. Проблема понимания художественного текста и произведения : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Незнамова Светлана Павловна. – Воронеж, 2005. – 164 с.
8. Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Прохорова Любовь Сергеевна. – Томск, 2005. – 194 с.
9. Хоружий С. С. Улисс в русском зеркале [Электронный ресурс] / С. С. Хоружий / Режим доступа : <http://joyce.msk.ru/horuj.htm>.
10. Joyce J. Dubliners [Электронный ресурс] / J. Joyce – Режим доступа : <http://en.wikipedia.org/wiki/Dubliners>

Надійшла до редколегії 9.05.10